

О. Зигмунт,* Д. Энциманн**
РАЗЛИЧИЯ И ОСОБЕННОСТИ
ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ
В РОССИИ И ГЕРМАНИИ:
ИХ ЗНАЧИМОСТЬ ДЛЯ ТЕОРИИ АНОМИИ

Развитие России начиная с конца 80-х годов от коммунистического строя к свободным рыночным отношениям отмечается большими политическими, экономическими и социальными изменениями. Вопрос о том, как отражаются эти изменения на приобретении опыта насилия несовершеннолетними и их отклоняющемся поведении, интересует в равной степени ученых, политиков и практиков в педагогике и социальной работе. По инициативе профессора Рольфа Глоэля (Высшая школа г. Мерзебург) в 2000 г. в рамках совместного проекта Криминологического исследовательского института Нидерзаксен (Kriminologischen Forschungsinstituts Niedersachsen) и Волгоградского государственного педагогического университета был проведен репрезентативный опрос волгоградских школьников 9-х классов по опыту насилия (в том числе виктимизации, ситуации в семье, нормативной ориентации, отношению к насилию, самоотчету о делинквентности).¹ Поскольку одновременно с этим проводились опросы школьников в различных городах Германии, это позволило впервые провести сравнительный анализ преступного опыта и делинквентного поведения российских и немецких несовершеннолетних. Результаты этого сравнительного исследования были представлены в апреле 2005 г. на международной научной конференции «Социальная работа с молодежью в России и Германии: проблемы подростков, модели и методы их разрешения». Здесь мы приведем важнейшие части этого исследования; особое внимание будет уделено данным официальной статистики о преступности несовершеннолетних в России и Германии, опыту насилия, самоотчету о дел инквентности и потенциальным факторам влияния на преступное поведение.

Уголовная статистика. Данные официальной уголовной статистики только очень ограниченно предназначены для описания состояния и динамики преступности. В уголовную статистику попадают лишь те преступления, о которых было заявлено в правоохранительные органы, кото-

* **Ольга Зигмунт** – отделение криминологии Института криминологических наук, Университет Гамбурга (Гамбург, ФРГ).

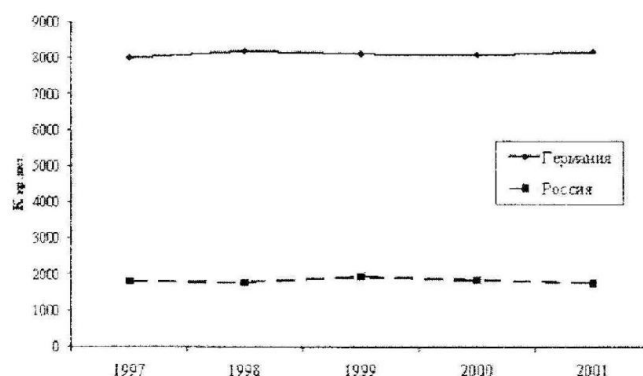
** **Дирк Энциманн** – отделение криминологии Института криминологических наук, Университет Гамбурга (Гамбург, ФРГ).

© О. Зигмунт, Д. Энциманн. 2006.

¹ Руководитель проекта профессор Петер Ветцельс (в настоящее время — Институт криминологических наук, Университет Гамбурга).

рые были зарегистрированы и раскрыты. Таким образом, уголовная статистика в большой степени зависит от готовности жертв преступлений сообщать о случившемся в правоохранительные органы и от готовности милиции (полиции), в свою очередь, регистрировать поступившие заявления. Поэтому официальная уголовная статистика плохо подходит для социальных и криминологических между народных исследований. Сравнение коэффициента криминальной активности ($K_{кр.акт.}$)² несовершеннолетних показывает, что подростковая преступность в целом в Германии в 4–4,5 раза выше, чем в России (рис. 1). Также при сравнении официальных данных по таким видам преступлений, как нанесение тяжких телесных повреждений и кражи, наблюдаются в Германии неимоверно высокие показатели. В противоположность этому коэффициент криминальной активности несовершеннолетних по убийствам (преступление, которое в обеих странах имеет идентичный состав и доли регистрации которого предположительно не очень различаются) в России в 3–4 раза выше и имеет значительный подъем между 1997 и 2001 гг.

Рис. 1. Коэффициенты криминальной активности ($K_{кр.акт.}$) несовершеннолетних, совершивших преступления в России и Германии (все преступления), 1997-2001 гг.³

² Отношение количества выявленных лиц на 100 тыс. населения соответствующего возраста: в данном случае количество выявленных лиц в возрасте 14-17 лет, умноженное на 100 тыс. (количество населения в возрасте 14-17 лет).

³ Источники: для Германии полицейская уголовная статистика (см.: Bundesriminalamt (Hrsg). Polizeiliche Kriminalstatistik Bundesrepublik Deutschland. Berichtsjahr 1992-2004. Wiesbaden, 1993-2004), для России - статистика органов предварительного расследования (см.: Преступность и правонарушения (1997-2001). Стат. сб. М., 2002; Состояние преступности в России: Ежегодник. М., 1992-2003).

Насколько эти показатели отражают в действительности состояние преступности несовершеннолетних в обеих странах или объяснимы через различия в определении уголовно-наказуемых деяний, различную степень доверия несовершеннолетних к правоохранительным органам (готовность подавать заявления о совершенных преступлениях), различные доли регистрируемых милицией (полицией) заявлений граждан (так, некоторые авторы указывают на то, что доли регистрации в России в большой степени зависят от постановки политических целей руководящими органами⁴) или различные уровни раскрываемости преступлений, могут показать только исследования латентной преступности, в рамках которых опрашиваются репрезентативные выборки населения в отношении их виктимизации и опыта делинквентного поведения. Посредством таких исследований возможно не только лучше охватить правонарушения, которые остались скрытыми для официальной статистики, но и изучить потенциальные факторы влияния на делинквентное поведение и сравнить их воздействия в различных социальных контекстах (например, России и Германии).

Описание выборки. Результаты, представленные в дальнейшем, основываются на опросе учеников 9-х классов, проведенном в 2000 г. в Волгограде⁵ и четырех городах Германии (Гамбурге, Ганновере, Лейпциге и Мюнхене). В этом исследовании речь идет о репрезентативных выборках школьных классов, в которых учащимся посредством стандартизированного опросника задавались вопросы, в том числе и о их опыте с насилием как из перспективы жертвы преступления, так

⁴ См., напр.: *Гаврилов Б.* О реальности российской статистики // *Законность*. 1999. № 6. С. 27- 32; *Глинский Я. И.* Криминология: Теория, история, эмпирическая база, социальный контроль: Курс лекций. СПб., 2002; *Лунеев В. В.* Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. М., 1997.

⁵ Волгоград является областным центром с миллионным населением. По многим демографическим и социально-экономическим показателям, Волгоградская область отражает в среднем ситуацию в России. Так, средний возраст (медиан) населения этой области составлял в 2002 г. 38,0 лет (мужчины - 34,9, женщины — 40,6), тогда как по России средний возраст жителей составлял 37,1 (мужчины – 34,1, женщины — 39,8). Уровень официально зарегистрированной безработицы в регионе соответствует в общем средней тенденции и уровню безработицы в стране за последние годы (1995-2004). Коэффициенты криминальной активности (*К.кр.акт.*) по тяжким преступлениям в области также близки к средним значениям по стране в целом (данные за 2001 г.): убийства и покушения на убийства - 28,5 (Россия – 27,6), умышленное причинение тяжкого вреда здоровью – 37,4 (Россия – 45,7) и разбой – 33,3 (Россия – 36,8) (об этом см.. *Официальный сайт Всероссийской переписи населения 2002* (<http://www.perepis2002.ru/index.html?id=11>); *Преступность и правонарушения (1997-2001)*: Стат. сб. М., 2002; *Российский статистический ежегодник*. 2004: Стат. сб. М., 2004; *Статистическое обозрение*. 2005. № 1(52)).

и из перспективы преступника.⁶ В Германии были опрошены 88 % от запланированной выборки и 96 % учащихся, присутствующих на день опроса в школе, в России эти доли составили соответственно 76 % и 93 %. При сравнительном анализе в немецкой выборке не учитывались мигранты и переселенцы. Последующий анализ основан, таким образом, на данных, полученных от 7283 немецких и 1747 российских подростков. Если в дальнейшем будет говориться о немецких или российских несовершеннолетних, нужно иметь в виду, что речь при этом не идет о национальных репрезентативных выборках, а о репрезентативных выборках несовершеннолетних четырех больших городов Германии и города Волгограда.

Возрастная структура российских и немецких школьников очень похожа, хотя российские подростки в среднем примерно на полгода моложе своих немецких сверстников (Россия: 13–16 лет, среднее отклонение – 14,6, стандартное – 0,57; Германия: 14–19 лет, среднее отклонение – 15,1, стандартное – 0,71). Доля юношей в России немного ниже, чем в Германии (45,3 % в России и 50,3 % в Германии). В то время как немецкая выборка состоит только из представителей немецкой национальности, 93,9 % опрошенных в Волгограде – русские. Школьные системы России и Германии очень различны, российская система представлена, по сути, двумя видами общеобразовательных учреждений: лицеями и гимназиями, с одной стороны, и общеобразовательными средними школами – с другой, германская же система школьного образования очень селективна и имеет, помимо большого количества основных, еще и промежуточные формы. Сравнение тем не менее представляется возможным, если все подростки в Германии, которые посещают не гимназию, а иные школьные формы, будут объединены в одну группу. При таком делении в России посещают гимназию или лицей 33 % подростков, а в Германии – 39%.

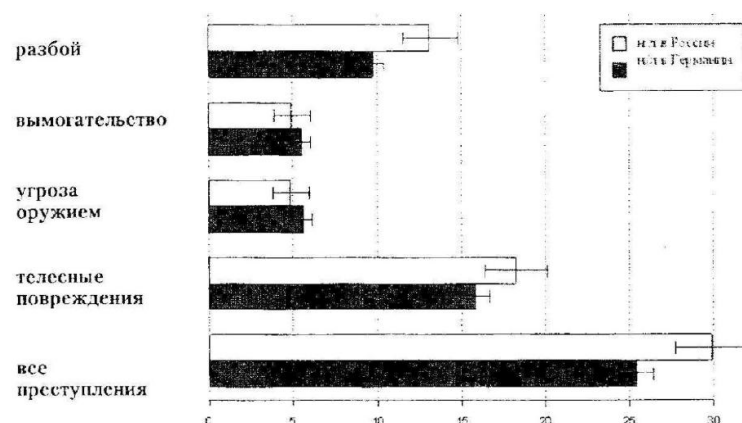
Виктимный опыт и готовность жертвы преступления сообщить о случившемся в правоохранительные органы. Как и ожидалось, результаты опроса о виктимном опыте несовершеннолетних демонстрируют совершенно иную картину преступности, чем данные официальной уголовной статистики. На рисунке 2 показаны доли жертв⁷ насильственных преступлений, таких, как разбой, вымогательство и нанесение тяжких те-

⁶ Отдельные результаты немецкой выборки ранее уже были опубликованы (см.: Wilmers, N., Enzmann, D., Schaefer, D., Herbers, K., Greve, W., Wetzels, P. Jugendliche in Deutschland zur Jahreswende: gefährlich oder gefährdet? Ergebnisse wiederholter, repräsentativer Dunkelfelduntersuchungen zu Gewalt und Kriminalität im Leben junger Menschen (1998–2000). Baden-Baden, 2001). Анализ волгоградской выборки, а также сравнительный анализ ее с немецкой выборкой описаны Зигмунд (см.: Siegmund O. Jugendkriminalität in Russland und der BRD: Ergebnisse einer Dunkelfeldstudie (unveröff. Diplomarbeit). Hamburg, 2005).

⁷ Доля лиц, которые в определенный промежуток времени (в данном случае за 1999 г.) стали по меньшей мере один раз жертвами преступлений.

лесных повреждений с применением и без применения оружия, среди российских и немецких подростков в 1999 г.

Рис. 2. Доли жертв насильственных преступлений и 95 % доверительные интервалы в 1999 г. среди российских и немецких несовершеннолетних

Статистически значимо больше российских подростков становятся жертвами разбоя и нанесения тяжких телесных повреждений без применения оружия, чем немецких. Статистически *не* значимыми являются различия в отношении вымогательства и нанесения тяжких телесных повреждений с применением оружия. Но совокупности всех деликтов в 1999 г. жертвами насильственных преступлений стало больше подростков в России, чем в Германии.

*Доля пережитых преступлений*⁸ российскими и немецкими несовершеннолетними различно лишь по разбоям, российские подростки статистически значимо чаще становятся жертвами этого преступления, чем немецкие ($\chi_{(1)}^2 = 5,89, p = .015$). По остальным видам преступлений виктимный опыт немецких и российских несовершеннолетних статистически значимо не различается.

Достоинно внимания и то, что как в российской, так и в немецкой выборке намного больше юношей, чем девушек, сообщают о пережитом виктимном опыте, причем и доля пережитых преступлений у юношей также выше, чем у девушек.

⁸ Количество случаев виктимного опыта на человека за определенный промежуток времени (в данном случае за 1999 г.).

Заявления о совершенных насильственных преступлениях подаются в России сравнительно редко (табл. 1); в то время как в Германии заявления в правоохранительные органы были поданы в совокупности по 14 % насильственных преступлений, доля заявленных преступлений в России составляет менее 5 %. В России более 95 % случаев виктимного опыта несовершеннолетних остаются не зарегистрированными и не могут быть отражены в официальных статистиках. Это демонстрирует, что официальная статистика в высшей степени проблематична для анализа состояния преступности и практически непригодна для международного сравнения. Особенно сильно зависят изменения данных официальной статистики от практики подачи заявлений (готовности жертвы преступления сообщить о случившемся в правоохранительные органы): в России изменение готовности жертв преступлений подавать заявления повлекли бы за собой более экстремальные изменения в официальной статистике, чем в Германии.

Сравнение долей заявленных преступлений жертвами в обеих странах отчасти объясняет большие и неожиданные различия официально зарегистрированной преступности: доля заявленных преступлений в Германии по различным правонарушениям от трех до шести раз выше, чем в России, так что только в связи с этим коэффициент криминальной активности немецких несовершеннолетних должен быть выше.

Таблица 1
Доли заявленных преступлений несовершеннолетними жертвами
в 1999 г. в России и Германии (в %)

	разбой	вымога- разбой	угроза вымога-	телесные угроза дения	все телесные- ния
Несовершеннолетние в России	6,6 [602]	3,8 [158]	4,1 [269]	3,1 [650]	4,6 [1679]
Несовершеннолетние в Германии	23,5 [1698]	17,2 [800]	14,7 [1159]	8,9 [3625]	14,1 [7282]

Примечание: в квадратных скобках указано количество преступлений.

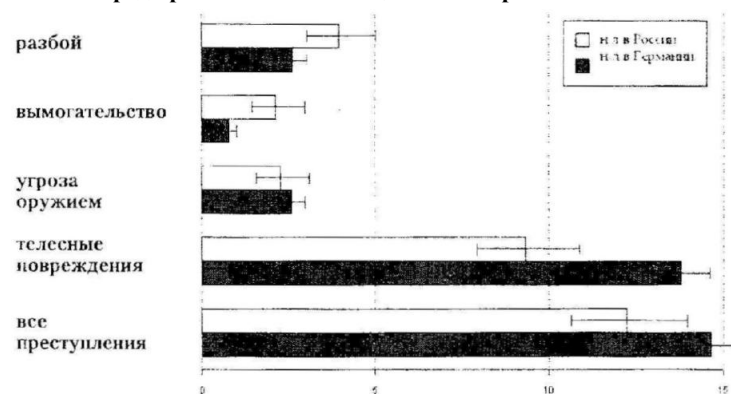
Самоотчет о делинквентности несовершеннолетних. Данные самоотчетов о делинквентности российских и немецких несовершеннолетних имеют бросающуюся в глаза особенность по доле преступников⁹ (рис. 3): в то время как статистически значимо больше российских подростков

⁹ Доля лиц, которые в определенный промежуток времени (в данном случае за 1999 г.) совершили по меньшей мере одно преступление.

указывают о совершении насильственных правонарушений, которые можно условно назвать «инструментальными» (разбой: $\chi_{(1)} = 7.4$, $p = .007$; вымогательство: $\chi = 19.6$, $p < .001$), в Германии значительно выше показатель по доле преступников, совершивших «неинструментальные» насильственные деликты, такие, как нанесение тяжких телесных повреждений ($\chi_{(1)} = 24.08$, $p < .001$).

Сравнение доли совершенных преступлений показывает подобный результат: в среднем российские подростки указывают статистически значимо чаще о совершении инструментальных деликтов, таких, как вымогательство ($\chi_{(1)} = 6.7$, $p = .009$), в то же самое время они совершали статистически значимо реже неинструментальные деликты, такие, как нанесение тяжких телесных повреждений ($\chi_{(1)} = 12.8$, $p < .001$).

Рис. 3. Доли преступников (на основе самоотчетов о делинквентности) и 95 % доверительные интервалы в 1999 г. среди российских и немецких несовершеннолетних

То, что инструментальные насильственные деликты совершаются большим количеством русских подростков (и чаще), чем немецких, и одновременно с этим меньшее количество русских подростков совершают неинструментальные деликты, можно, вероятно, объяснить особым анонимным развитием современного российского общества. По утверждению институциональной теории аномии,¹⁰ в обществах, в которых доминируют экономические институты в противовес политическим и общественным (цивильным), высока преступность особенно с инструментальной мотивацией.¹¹

¹⁰ Messner, S. F., Rosenfeld, R. Crime and the American dream. Belmont, CA (3rd ed.): Wadsworth, 2001.

¹¹ Подробнее см. далее.

Потенциальные факторы влияния на делинквентное поведение в сравнении. Наряду с виктимным опытом и самоотчетом о делинквентности в опроснике были исследованы индикаторы социального положения родителей (безработность, получение социальной помощи), признаки первичной социализации (опыт родительского насилия и эмоциональная поддержка родителей в детстве), неодобрение насилия сверстниками и взрослыми, собственное отношение к насилию, одобряющие насилие нормы мужественности и способность к самоконтролю. Значимость этих факторов для делинквентного поведения уже доказана в многочисленных криминологических исследованиях. Особенно (низкий) самоконтроль считается в криминологии одной из важнейших переменных, с учетом которой правонарушители отличаются от правоупослушных граждан.¹² Один из вопросов исследования был: в каком отношении эти факторы влияния в Германии и России в одинаковой мере пригодны для объяснения делинквентного поведения.

Вопрос о том, насколько сильно отличаются немецкие и российские несовершеннолетние по факторам влияния в рамках журнальной статьи, не может быть отвечен в полном объеме. Один из результатов все-таки заслуживает особого внимания. Анализ шкалы «отношение к насилию» показал, что в России она состоит из двух групп вопросов, тогда как в немецкой выборке она формирует только одну группу: первая группа вопросов включает *отношение к насилию с инструментальной мотивацией* (например, «сильнейший должен добиваться своего, иначе не будет результата»), вторая же группа включает скорее *отношение к насилию с неинструментальной мотивацией* (например, «немного насилия просто необходимо, чтобы иметь удовольствие»). Бросается в глаза, что в России инструментальное отношение к насилию выражено намного сильнее, чем в Германии (несовершеннолетние в России: среднее отклонение = 46,4, стандартное = 20,4; несовершеннолетние в Германии: среднее отклонение 33,7, стандартное = 21,8; $F_{(1,8945)} = 492,7$, $p < .001$), тогда как неинструментальное отношение к насилию выражено среди российских подростков намного слабее, чем у их немецких сверстников (несовершеннолетние в России: среднее отклонение = 12,0, стандартное = 18,1; несовершеннолетние в Германии: среднее отклонение = 18,8; стандартное) = 21,5; $F_{(1,8884)} = 147,4$, $p < .001$). Эти результаты, так же как и представленные выше данные по доле лиц, совершивших инструментальные и неинструментальные насильственные правонарушения, можно объяснить с позиции теории аномии: несовершеннолетние в России одобряют не насилие вообще, а прежде всего инструментально мотивированное насилие. Это в полной мере соответству-

¹¹ Подробнее см. далее.

¹² Gottfredson M. R., Hirschi T. A general theory of crime. Stanford, 1990.

от обществу, в котором доминируют такие ценности, как конкуренция и индивидуализм («выгодалюбим путем»), в противовес готовности помочь, солидарности и эмпатии.

Перечисленные выше факторы влияния были исследованы как двумерно (модель с одной независимой переменной), так и многомерно (при одновременном взаимном статистическом контроле нескольких независимых переменных) в отношении их эффектов на долю лиц, совершивших насильственные преступления. Одним из наиболее значимых результатов является то, что в противоположность немецкой выборке, у российских подростков тип школы, социальное положение семьи, опыт насилия и родительская эмоциональная поддержка в детстве или не имеют эффектов, или имеют слабые эффекты на долю лиц, совершивших насильственные преступления. Правда, в обеих выборках неодобрение насилия сверстниками имеет негативный эффект, а одобряющие насилие нормы мужественности и недостаточный самоконтроль — сильные позитивные эффекты на долю лиц, совершивших насильственные правонарушения. При этом бросается в глаза, что предпочтение одобряющих насилие норм мужественности у российских подростков (среднее отклонение - 44,8, стандартное = 18,3) выражено намного сильнее, чем у немецких подростков (среднее отклонение = 26,5, стандартное = 19,1; $F_{(1,8934)} = 1309,7$, $p < .001$), и что российские подростки имеют более высокую способность к самоконтролю (среднее отклонение = 55,5; стандартное = 14,5) чем немецкие (среднее отклонение = 53,0, стандартное = 13,7; $F_{(1,4199)} = 17,1$, $p < .001$). Ввиду высокой способности к самоконтролю российские подростки должны быть менее делинквентными, чем немецкие. Но это *не* так для инструментальных форм правонарушений.

Исследования в областях психологии развития и криминологии показывают, что воздействие первичной социализации (в частности, воспитательного стиля родителей) с возрастом слабеет.¹³ То, что воздействие воспитательного стиля родителей (родительское отношение к наказанию и их эмоциональная поддержка в детстве) выражено у российских несовершеннолетних слабее, чем у их немецких сверстников, что больше волгоградских подростков совершают преступления, характерные скорее для взрослых (особенно разбой), что воздействие норм сверстников, и особенно способность к самоконтролю, имеют в равной степени сильные (частично даже более сильные) эффекты на делинквентное поведение, — дает повод для предположения, что несовершеннолетние в Волгограде с позиции психологии развития являются более «взрослыми», чем немецкие подростки.

¹³ Stelly W., Thomas J., Kerner H.-J., Weitekamp E. Kontinuität und Diskontinuität sozialer Auffälligkeit im Lebenslauf // Monatsschrift für Kriminologie und Strafrechtsreform. 1998. N. 81. P. 104-122.

Интерпретация с позиции теории аномии. Представленные результаты сравнительного анализа виктимного опыта немецких и российских несовершеннолетних, их самоотчета о делинквентности и воздействия потенциальных факторов влияния поражают и нуждаются в объяснении.

С одной стороны, удивляет, насколько малы отличия российских несовершеннолетних от их сверстников в Германии. Ввиду больших различий в истории, культуре и социально-экономическом положении представляются слишком незначительными различия в виктимном опыте и самоотчете о делинквентности. Некоторые различия между северной и южной Германией являются более сильными, чем между немецкой и волгоградской выборкой. Это указывает на то, что (насильственная) преступность в несовершеннолетнем возрасте является «нормальным» и «повсеместным» явлением (хотя, правда, нельзя не заметить, что подобного рода «обусловленные воспитанием отклонения в поведении» связаны с большими расходами и риском как для жертв, так и для преступников).

С другой стороны, бросается в глаза, что структура правонарушений российских подростков смещена в сторону ярко выраженной инструментальной делинквентности и менее выраженной неинструментальной делинквентности, что согласуется с более ярко выраженными инструментально-мотивированными установками к насилию. Одновременно с этим первичные факторы социализации (особенно родительский стиль воспитания) имеют меньшее влияние на делинквентное поведение, чем у немецких подростков: российские подростки являются, видимо, с позиции психологии развития более «взрослыми». В этом отношении наблюдаются различия между российскими и немецкими несовершеннолетними.

Предположительно эти различия можно объяснить распадом государства и последовавшим за этим затяжным социально-экономическим кризисом в России. Более ста лет назад Э. Дюркгейм подчеркивал значение «морального порядка» для понимания отклоняющегося поведения. Он писал о том, как стремительные социальные изменения и индустриальное общество порождают аномию и настолько изменяют социальные нормы, что они не могут больше регулировать цели и средства и вместе с тем моральное поведение индивидов. Построенная на теории Дюркгейма институциональная теория аномии Месснера и Розенфельда¹⁴ объясняет, как из дисбаланса важнейших общественных институтов возникает преступность. Превосходство экономики в капиталистических обществах влечет за собой прочную тенденцию к аномии, особенно тогда, когда неэкономические институты, такие, как политическая система и общественные (цивильные) институты (например, семья, религия, воспитание), ослаблены приматом экономики. В подобной ситуации преобладают принцип конкуренции и

¹⁴ Messner S. F., Rosenfeld, R. Crime and the American dream.

погоня за выгодой. Правонарушения совершаются тогда преимущественно из инструментальных мотивов и характеризуются применением или угрозой применения насилия. Россия несет крест своего исторического наследия: превосходство на протяжении нескольких десятилетий политической системы не только благоприятствовало развитию циничного отношения граждан к индивидуальной ответственности, но и открыло дверь коррупции как одной из типичных форм преступности в подобной системе. При таких условиях Россия стояла под угрозой возникновения крайнего варианта капитализма: так называемого хищного капитализма, каким он известен со времен раннего капитализма. Институциональная теория аномии прогнозирует для России тем самым рост преступности, который проявляется не только в коррупции, «черном» рынке, сокрытии налогов и отмывании денег, но и особенно в разбойных нападениях и вымогательстве. Несовершеннолетние, развитие автономии и морали которых еще не завершено, особо подвержены опасности в такого рода общественном климате принять «погоню за выгодой» как ценностную ориентацию.

Опросник российской выборки содержал ряд вопросов, которые являются специфичными для переломной ситуации российского общества и которые описывают отношение к современному российскому обществу (например: «В новом обществе много новых шансов», «Сейчас царит нечеловеческая борьба всех против всех», «Хитроумные могут в России быстро разбогатеть», «Хорошо, что сейчас доминирует все самое лучшее и сильное», «Солидарность и готовность помочь - это достоинства прошлого, сегодня нужно быть хитроумным и бесцеремонным», «Коммунизм – хорошая политическая и социальная идея»).

На основе полученных ответов на эти вопросы несовершеннолетние могут быть распределены на три группы:¹⁵ самая большая группа (А) «адаптированно-индифферентных», которые малокритично относятся к обществу, но которые считают, что такие ценности, как солидарность и готовность помочь, еще что-то значат; более маленькая группа (Б) «поддерживающих систему и конкурентно-ориентированных», которые видят шансы в новом обществе и для которых солидарность и готовность помочь являются ценностями «вчерашнего дня»; и небольшая группа (В) «критикующих систему», которые видят мало шансов в новом обществе, считают коммунизм скорее хорошей политической и социальной идеей и которые также (скорее пессимистично) верят, что солидарность и готовность помочь не имеют больше силы. Бросается в глаза, что подростки из группы А, которые составляют в выборке 65,8 %, совершили только 49,8 % инструментальных насильственных правонарушений, в то время как под-

¹⁵ Для этого был проведен анализ латентных классов, базирующийся на 14 ординально скалированных вопросах.

ростки из группы *Б*, которые составляют в выборке лишь 17,6 %, совершили 35,0 % и подростки из группы *В* (16,6 % в выборке) – 15,2 % всех инструментальных насильственных правонарушений. Доля совершенных инструментальных насильственных правонарушений у подростков из группы *Б* примерно в четыре раза выше, чем в группе *А*, и в группе *В* примерно в два раза выше, чем в группе *А* ($\text{Chi}_{(2)} = 10,9$, $p = .004$). Менее резким является расхождение по неинструментальным насильственным правонарушениям: судя по собственным ответам подростки из группы *А* совершили 38,4 %, из группы *Б* – 34,6 % и из группы *В* – 27,0% всех неинструментальных насильственных правонарушений; доля совершенных правонарушений в группе *Б* примерно в три раза выше, чем в группе *А*, и в группе *В* примерно в два раза выше, чем в группе *А* ($\text{Chi}_{(2)} = 12,1$, $p = .002$).

Подростки, которые активно принимают конкурентную ориентацию нового общества и считают солидарность и готовность помочь ценностями «вчерашнего дня» (*Б*), намного более делинквентны, чем подростки, относящиеся к новому обществу критически и не верящие в его шансы (*В*). Наименее делинквентным является большинство адаптированно-индифферентных, которые верят, что солидарность и готовность помочь более слабым еще действуют (*Л*). При этом достойно внимания и то, что социально-экономический статус родителей (составленный преимущественно на основе профессионального образования) в группе с высокой делинквентностью *Б* является скорее высоким *или* низким, в то время как социально-экономический статус в умеренно делинквентной группе *В* преимущественно низкий и статус в мало делинквентной группе *А* имеет в основном средний уровень.

Результаты указывают на то, что несовершеннолетние, которые разделяют аномные ценностные ориентации рыночно-капиталистического общества, могут «объяснить» существенные различия в российской и немецкой выборке относительно инструментальных насильственных правонарушений. Определение этого более точно было бы очень многообещающей задачей, такой же, как целенаправленное исследование взаимосвязи признаков аномии немецкого и российского общества, для которого также необходимы индикаторы аномии на макроуровне и сравнение различных регионов России. Многообещающей является также и запланированное дальнейшее сравнительное исследование с несовершеннолетними в городе Волгограде и городах Германии спустя шесть лет после проведенного в 2002 г. Вторым исследовательским проектом мы надеемся продолжить уже состоявшуюся плодотворную совместную работу с Волгоградским государственным педагогическим университетом.

Бояновский и Глоэль¹⁶ поднимают вопрос, должна ли быть задачей воспитания передача подросткам опыта критического отношения к нормам и механизм вытеснительного соревнования. Интерпретации с позиции теории аномии представленных здесь результатов дают ответ на данный вопрос: это *должно* быть воспитательной задачей общества, в котором доминирует принцип экономики. Реализуемо ли это в рамках коллектива и имеет ли такая реализация смысл требует дальнейшего детального изучения. Особенно серьезно должно обсуждаться педагогами, представителями общественных наук и криминологами то, как могут педагоги получить признание подростков, ценностные ориентации которых находятся в плену общества, преферирующего строгую конкуренцию, и которые должны быть пригодными как раз для *этого* общества.

¹⁶ *Bojanowski A., Gloel R. Makarenko - Eine experimentelle Text-Collage // Standpunkt: Sozial. 2005. N. 16 (3). 2005.*

ББК 67.99(2)8
УДК 343
К 82

Редакционная коллегия

Ван Я. (Китай)
Гилинский Я. И. (Россия)
Гондолф Э. (США)
Дикаев С. У. (Россия) — заместитель главного редактора
Дюнкель Ф. (Германия)
Кури Х. (Германия)
Майров А. А. (Россия) — заместитель главного редактора
Мильков С. Ф. (Россия)
Ривман Д. В. (Россия)
Сесар К. (Германия)
Сморгунова В. Ю. (Россия) — заместитель главного редактора
Сыдыкова Л. Ч. (Кыргызстан)
Тугельбаева Б. Г. (Кыргызстан) — заместитель главного редактора
Хэслер В. (Швейцария)
Шестаков Д. А. (Россия) — главный редактор
Янковская Г. А. (Россия) — ответственный секретарь

К 82

Криминология: вчера, сегодня, завтра. Труды Санкт-Петербургского криминологического клуба. 2006. № 1 (10). — СПб., 2006. 352 с.

ISBN 5-8220-0003-7

© Санкт-Петербургский криминологический клуб, 2006
© Российский Государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, 2006
© Санкт-Петербургский университет МВД России, 2006
© ООО «Издательство Русь», 2006